Розанна Бенаккьо
Университет в Падуе
rosanna.benacchio@unipd.it

УДК 811.163.4’366.593’367.625.3
https://doi.org/10.18485/slavistika.2022.26.1.7
Оригиналан научни рад
примљен 15.07.2022.
прихваћено за штампу 26.07.2022.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ИТЕРАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ В СЕРБСКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

В работе рассматривается употребление глагольного вида в итеративных контекстах в настоящем и прошедшем времени в сербском и хорватском языках. Анализируются случаи выбора СВ вместо ожидаемого НСВ у терминативных глаголов. Показано, что такой выбор предопределяется акциональным (результативным) характером предиката, т.е., в конечном счете, «определенным» («индивидуализированным»), событийным характером действия (см. Дики 2000). Примеры, взятые из хорватского национального корпуса (HNK) и из корпуса современного сербского языка (SrpKor), были подвергнуты оценке носителей языка. Для этого использовался метод анкетирования.

Ключевые слова: славянский глагольный вид, итеративность, совершенный вид, сербский язык, хорватский язык.

The paper deals with the use of verbal aspect in iterative contexts in the present and past tense in Serbian and Croatian. We analyze the cases in which PF is chosen instead of the expected IPF. It turns out that such an anomaly is determined by the resultative nature of the predicate, which is determined and individualized (in the sense of Dickey 2000). The language material, taken from the Croatian National Corpus (HNK) and the Modern Serbian Corpus (SrpKor), was submitted to native speakers for evaluation. This has been achieved by means of a questionnaire.

Keywords: Slavic verbal aspect, iterativity, perfective aspect, Serbian, Croatian.

1. Вступление

Хорошо известно, что в сербском и хорватском языках, подобно тому, что происходит в «западной» группе славянских языков (в словенском, чешском, словацком и серболужицком) употребление СВ шире, чем в языках «восточной» группы (русский, украинский, белорусский и болгарский). Это, уже общепринятое, мнение впервые было высказано в работах С. Дики, где отмечается также, что сербский и хорватский, с одной стороны, и польский, с другой, играют роль «транзиционных» языков (см. в особенности Dickey 2000: 68–71, 146 –148). См. также Stunová 1993; Петрухина 2000; Барентсен 2008; Fedotov 2015 и др.

Это особенно заметно при употреблении настоящего времени, где СВ выполняет различные атемпоральные функции, такие, как, например, настоящее историческое, настоящее гномическое, итеративность и т.д. В этих случаях особенно заметна вариативность СВ и НСВ, смысл и функция которой улавливается с трудом.

Что касается выражения итеративности в славянских языках (с особым акцентом на ситуацию в сербском и хорватском), существуют различные исследования, посвященные этой проблематике. См., напр., Běličová-Křižková 1981; Ivić 1983; Танасић 1996, 1999; Thomas, Анђелковић 1998; Dickey 2000; Šarić 2001; Недић 2018; Kalsbeeck, Lučić 2008; Войводич 1998; Војводић 2019.

Среди этих исследований особенно интересна работа Дики, где на основе когнитивной теории (см. Langacker 1997) подчеркивается связь между употреблением СВ в итеративных контекстах и более «определенным» характером события, его большей локализованностью в ментальном пространстве говорящего, большей контекстуализованностью (Dickey 2000: 80–85). См. по этому поводу также Šarić 2001 и Lehmann 2013.

В целом все указанные выше исследования соглашаются в том, что при употреблении терминативных глаголов в итеративных контекстах СВ варьируется с НСВ. Точнее говоря: 1) СВ появляется чаще в настоящем времени, чем в прошедшем; 2) СВ употребляется намного чаще в придаточных предложениях, где он появляется почти автоматически, по сравнению с главными (см. *Nema dana da ne* ***pojedem*** *bar malo čokolade)*; 3) в главных предложениях СВ появляется только в кратно-парных конструкциях (см. *Uvek se* ***naljuti*** *kad mama počne da govori o tome* (пример из Dickey 2000: 83); 4) в простых предложениях употребление СВ – это весьма редкое явление, которое может иметь место только тогда, когда контекст указывает на достижение предела каждого повторяющегося на микроуровне действия.

Исследователи соглашаются также в том, что в хорватском языке, особенно на кайкавских территориях, находящихся под влиянием словенского языка, такое употребление СВ появляется чаще, чем в сербском языке, и что в сербском оно появляется чаще в разговорном, чем в литературном языке.

К этой проблеме мы обращались в статье, посвященной употреблению СВ и НСВ в презентных формах в некоторых атемпоральных контекстах, в том числе в итеративных, в хорватском языке (Бенаккьо, Биазио 2020). Работа проводилась на материале *Хорватского Национального Корпуса* (HNK). В данной работе мы снова возвращаемся к проблеме, расширяя и углубляя анализ, прежде всего включая примеры сербского языка, взятые из *Корпуса современного сербского языка* (SrpKor[1]), а также принимая во внимание итеративные контексты в прошедшем времени.

Однако рассмотрение корпусных примеров, являвшегося основной исходной точкой для данного исследования, оказалось недостаточно для углубленного анализа. Колебания между употреблением СВ и НСВ, отраженные в корпусах, не дают возможности уточнить, с какой частотностью появляются эти две формы, какая из двух употребляется чаще и почему. Действительно, присутствие в корпусах примеров употребления СВ для выражения итеративного значения никак не исключает присутствие в тех же (или в аналогичных) контекстах соответствующих форм НСВ.

[1] Следует иметь в виду, что количество примеров, представленных в этом корпусе, гораздо меньше (HNK содержит около 216.000.000 слов, а SrpKor – около 122.000.000).

Чтобы лучше разобраться в данной проблеме, мы составили анкету, нацеленную на установление того, какой выбор вида в разных итеративных контекстах является предпочтительным. Принимались во внимание терминативные глаголы *pisati*/*napisati, čitati/pročitati, piti/popiti*. Анкета была создана посредством платформы *Google forms* и разослана носителям сербского и хорватского языков. На нее ответили 48 анонимных респондентов, более или менее равномерно представляющих эти два языка. Результатам данной анкеты посвящена настоящая статья.

Анкета состояла из двух частей: первую часть составляли девять контекстов в настоящем времени, по три на каждый из перечисленных выше глаголов. Каждый из контекстов представлял два варианта: в СВ и НСВ. Каждому варианту респондент должен был поставить балл по линейной шкале (от 1/very bad до 5/very well). Таким образом, всего было задано 18 вопросов. Во второй части анкеты было рассмотрено употребление СВ в аналогичных контекстах в прошедшем времени, применялись те же самые критерии. Каждый респондент снова ответил на 18 вопросов.

Контексты, составляющие анкету, основаны на примерах, взятых из корпусов, иногда чуть модифицированных, упрощенных, или, во второй части анкеты, перенесенных в прошедшее время и при этом несколько адаптированных. Были предложены простые предложения, а также главные предложения кратно-соотносительных конструкций. Придаточные конструкции не принимались во внимание, поскольку, как известно, в принятых во внимание языках употребление СВ в данных контекстах – это обычное явление.

Примеры написаны латинским алфавитом и отражают хорватский вариант.

Следует уточнить, что при выборе корпусных примеров для анкеты принимались во внимание только те, которые содержат СВ, так как именно эти примеры представляют интерес для нашего анализа. Многочисленные случаи употребления НСВ, считающиеся нормой, не анализировались.

Наконец, следует добавить, что мы обращались только к случаям неограниченной кратности (unbounded repetition), поскольку, как известно, употребление СВ для ограниченной кратности – это явление, которое может иметь место также в языках восточной группы. По тем же причинам мы избегали также контекстов, в которых СВ мог передавать потенциальное или наглядно-примерное значение.

Последний, не менее важный момент нашего анализа – это «активное» обсуждение полученных анонимных ответов на анкету с другими информантами, также носителями сербского и хорватского языков.

Итак, переходим к рассмотрению результатов анкеты. Мы будем комментировать ответы респондентов в разных контекстах, рассматривая сначала примеры в настоящем времени (§2), затем в прошедшем (§3). В конце статьи ответы будут приведены также графически, в виде гистограмм (§4).

2. Результаты анкеты. Настоящее время

Начнем с первого примера, касающегося глагола *pisati/napisati:*

(1) Poeziju pišem impulsivno, ne pišem je mjesecima, onda sjednem i u tri dana **pišem/napišem** pola zbirke.
‘Стихи пишу импульсивно, не пишу их месяцами, потом сажусь и в три дня *пишу* половину сборника.’

Как можно увидеть (см. графики 1а и 1б), подавляющее большинство респондентов (44 из 48) поставило высший балл («5») СВ. Низкие баллы («1» и «2») этой форме не были поставлены ни разу. «Лакмусовой бумажкой», подтверждающей данный результат, послужили ответы на вариант с НСВ, которые, наоборот, содержат низкие баллы («1» и «2») для НСВ.

Действительно, в данном случае глагол обозначает событие, т.е. именно тип действия, совместимый с употреблением СВ, а не с НСВ. Это подтверждается разными элементами контекста. Во-первых, интересующей нас глагольной форме предшествует обстоятельство времени *u tri dana*, т. е. «показатель срока завершения», по определению Е. В. Падучевой (1996: 167), который несомненно играет важную роль для выражения результативности и, следовательно, для выбора СВ. Кроме того, в предложении выражен квантифицированный прямой объект. И еще: интересующей нас глагольной форме (*napišem*) предшествует другая форма в СВ (*sjednem*), которая образует с ней цепь действий. Как известно, это тоже контекст, способствующий проявлению результативности, так как последовательность действий в цепи предполагает их законченность.

Стоит отметить, что в примере (1) в двух предложениях (*Poeziju pišem impulsivno*, и *ne pišem je mjesecima*), предшествующих интересующему нас предложению (*u tri dana* ***pišem/napišem*** *pola zbirke*), контекстные ситуации иные, и неслучайно здесь появляется НСВ. В них выражается нетерминативное действие, объект которого (*poezija*), либо выраженный этой лексемой, либо передаваемый местоимением, является неисчисляемым существительным, неспособным выражать события (см. аналогичную ситуацию в примерах из словенского языка в Бенаккьо, Пила 2015: 85). Более того, в первом предложении глагол сопровождается наречием (*impulsivno*), фокусирующим внимание на способе осуществления действия, а не на достижении предела, а во втором – наречием времени (*mjesecima*), подчеркивающим длительность действия.[2]

Подобное можно сказать и по поводу следующего примера:

[2] Для других случаев регулярного употребления НСВ при нетерминативных повторяющихся действиях см., напр., *Za sada* ***pišem***^{нсв} *o onome što znam i što mi je na dohvat ruke.* (Пока я пишу^{нсв} о том, что знаю, и о том, что находится у меня под рукой.) или *Priče ipak* ***pišem***^{нсв} *u kontinuitetu, razmišljajući. Poeziju* ***pišem***^{нсв} *iz srca, iz emocija.* (Рассказы все-таки пишу^{нсв} долго, вдумываясь. А стихи пишу^{нсв} сердцем и душой.) (см. подробнее Бенаккьо, Биазио 2020). В обоих примерах предикат является нетерминативным в силу того, что он выражает предмет речи (*o onome što znam)* или образ действия *(u kontinuitetu, razmišljajući,* а также *iz srca, iz emocija).*

(2) Na popis želja, koji sastave djeca, roditelji **pišu/napišu** zahtjev koji mališani moraju ispuniti.

‘В составленном детьми списке желаний родители *пишут* просьбу, которую дети должны выполнить.’

В примере говорится о традициях и привычках, связанных с рождественскими праздниками. Здесь тоже (см. графики 2а и 2б) предпочитается употребление СВ. В самом деле, здесь глагол сопровождается прямым объектом в единственном числе (*zahtjev*). По единодушному мнению информантов, с которыми мы впоследствии обсудили ответы, объект во множественном числе (*zahtjeve*) непременно вызвал бы употребление глагола НСВ. Однако график 2б показывает также бóльшую, по сравнению с 1б, тенденцию к употреблению НСВ. Это, видимо, связано с тем, что в этом случае действие может быть интерпретировано как процессное.

Похожая ситуация в следующем примере:

(3) Kardinali će glasovati dva puta dnevno, ujutro i popodne. Svaki kardinal **piše/napiše** svoj izbor na komadiću papira, koji se onda presavije i stavlja u posudu od srebra i pozlaćene bronce.

‘Кардиналы будут голосовать два раза в день, утром и днем. Каждый кардинал *пишет* свой выбор на листе бумаги, который затем складывается и помещается в контейнер из серебра и позолоченной бронзы.’

В нем описывается хабитуальный ритуал конклава для избрания папы римского. Как показывают графики 3а и 3б, здесь тоже частотность употребления СВ превышает НСВ, однако в чуть меньшей мере по сравнению с примером (2), и еще меньше по сравнению с (1). В (3) две видовые формы почти эквивалентны с точки зрения частотности. В пользу употребления СВ выступает явно результативный характер действия голосования, а также тот факт, что глагол вписывается в цепь других действий, первое из которых (*presavije*) также в СВ, в то время как следующее за ним (*stavlja*), выражающее не менее терминативное действие, почему-то передано в НСВ. Это свидетельствует о том, что исследуемая здесь вариативность, которую чаще всего можно объяснить акциональными характеристиками предиката, иногда имеет произвольный характер. Как утверждают информанты, как раз присутствие в контексте формы НСВ (*stavlja*), возможно, в свою очередь влияет на (относительно) высокую частотность выбора НСВ.

Рассмотрим далее пример (4), с глаголом *piti/popiti:*

(4) Svakodnevno **pijem**/**popijem** čašicu viskija, osobno ga najviše volim piti prije večere.

‘Я *выпиваю* стакан виски каждый день, лично я больше всего люблю пить его перед ужином.’

В данном случае также предпочтение отдается употреблению СВ (форме *popijem* низкие баллы респонденты не ставили), что опять же объясняется результативным характером предиката, где глагол сопровождается прямым (квантифицированным) объектом в единственном числе (см. график 4а). Как подтвердили опрошенные впоследствии информанты, если убрать квантификатор объекта и заменить *čašicu viskija* просто неисчисляемым существительным *viski*, то выбор НСВ становится предпочтительным. Более того, как и в (3), здесь респонденты анкеты также одобряют (хотя и в меньшей мере, чем в предыдущем примере) употребление НСВ, подчеркивающего длительность действия (см. график 4б). В данном случае в русском переводе соответствующая форма – это скорее ‘попиваю’.

Подобное можно сказать по поводу примера (5), с тем же глаголом

(5) Oni **piju/popiju** dnevno bar 3 litra mineralne vode.
‘Они *выпивают* не менее 3 литров минеральной воды в день.’

Как показывают графики 5а и 5б, конкуренция между двумя формами становится более ощутимой, по всей вероятности, в связи с тем, что здесь, по сравнению с (4), объект имеет менее определенную квантификацию (*bar 3 litra* вместо *čašicu viskija*), а также менее определенную коллокацию во времени: речь идет о действии, которое повторяется по нескольку раз в день, в то время как в (4) действие повторяется раз в день, при этом не в любой момент, а именно перед ужином (*prije večere*).

Немного иначе обстоит дело со следующим примером:

(6) Kad dođe u Split, Miloš prvo **pije/popije** čašu domaćeg vina, da malo pročisti krv.
‘Приехав в Сплит, Милош сначала *выпивает* стакан местного вина, чтобы немного очистить свою кровь.’

Как показывают графики, здесь, точно так же, как и в примере (1), СВ предпочитается гораздо больше: высший балл этому варианту поставило подавляющее большинство респондентов (45 из 48), а низкие баллы (от «1» до «3») не были поставлены ни разу (см. график 6а). Это подтверждается ответами с вариантом НСВ, которому, наоборот, были поставлены низкие баллы (см. график 6б). В самом деле, в пользу предпочтительного выбора СВ, кроме присутствия в контексте прямого объекта в единственном числе (выражающего определенную квантификацию), выступает синтаксическая структура, обрамляющая интересующее нас предложение (*Miloš prvo* ***pije/popije*** *čašu domaćeg vina*). Имеется в виду, во-первых, его включение в кратно-парную конструкцию (см. *Kad dođe u Split*), которая, как уже было замечено, способствует употреблению СВ даже в главном предложении. Во-вторых, играют роль его таксисные отношения с последующим придаточным предложением цели. Кроме того, как отметили впоследствии информанты, присутствие в контексте наречия *prvo* создает цепную структуру, несмотря на то, что здесь последующее действие напрямую не называется.

Последние три примера, которые были включены в анкету, касаются глагола *čitati pročitati.* См.:

(7) Svako jutro odvojim dio svoga vremena i **čitam/pročitam** sve poruke koje građani pišu na Internetu.

‘Каждое утро я отвожу часть своего времени и *читаю* все сообщения, которые граждане пишут в Интернете.’

В данном случае респонденты также дали высокую оценку форме СВ (см. график 7а), по всей вероятности, из-за явно результативного характера предиката. В самом деле, несмотря на то, что объект появляется во множественном числе, он сопровождается местоимением *sve.* И действительно, как подтвердили опрошенные впоследствии информанты, если убрать местоимение и оставить только объект во множественном числе (*poruke*), то, несомненно, употребление НСВ станет предпочтительным. Возможно, употребление СВ (*pročitam*) вызвано также присутствием предиката *odvojim*, называющего предшествующее действие. И действительно, употребление формы НСВ (*odvajam*) способствовало бы появлению второго предиката в НСВ. При этом в последнем случае берет верх длительность действия.

В любом случае, даже в контексте, где предпочитается СВ, НСВ активно конкурирует с ним (см. график 7б), сильнее, чем в предыдущих примерах. Это также объясняется длительным характером предиката, который легко может вызвать у говорящего (субъективный) выбор НСВ.

Аналогичным образом можно объяснить предпочтительное употребление СВ (но вместе с тем и высокую конкуренцию НСВ) в следующем примере:

(8) A posebno sam sportski fanatik. Sve što se piše o sportu **čitam/pročitam** od A do Ž.

‘Но прежде всего я фанат спорта. Все, что пишут о спорте, я *читаю* от А до Я.’

Как можно увидеть на графиках 8а и 8б, две видовые формы почти эквивалентны с точки зрения частотности. Выбор респондентов колебался между выражением полного завершения действия (поддерживаемого как местоимением *sve*, так и выражением *od A do Ž*) посредством СВ и выражением длительного характера действия, что вызвано семантикой предиката (читать все, от начала до конца, несомненно занимает много времени).

То же самое можно сказать о следующем примере, где обе формы получают почти одинаковую оценку, однако при некотором преобладании СВ:

(9) Moj je muž navikao ujutro u šest sati, prije posla, prelistati novine uz kavu, kako bi se informirao o novostima. Popodne ih, pak, **čita/pročita** detaljno.

‘Мой муж привык читать газету в шесть часов утра, перед работой, с кофе, чтобы получить информацию о новостях. Однако днем он *читает* их подробно.’

Здесь в контексте присутствуют два элемента, влияющие на выбор НСВ: во-первых объект глагола, который стоит во множественном числе, во-вторых, наречие *detaljno,* которое несет процессную (длительную) семантику. Тем не менее НСВ допускается почти наравне с СВ. Дело в том, что интересующему нас предложению (*Popodne ih pak* ***čita/pročita*** *detaljno*) предшествует другое предложение, в котором называется то же действие, однако не законченное, а только начатое, «намеченное». Иными словами, в целом контекст делает возможными две противоположные аспектуальные интерпретации, процессную и результативную, что и отражается в колебаниях между двумя видовыми формами (СВ и НСВ), засвидетельствованных в ответах респондентов (см. графики 9а и 9б).

Итак, как ожидалось, в результате нашей анкеты, касающейся настоящего времени, были обнаружены случаи употребления как НСВ (безусловно, более частотного), так и СВ. Вариативность оказалась далеко не случайной: в ней отмечалась закономерность, связанная с акциональным характером предиката. Точнее говоря, глаголы, выражающие (многократное) достижение предела, появляются, как правило, в СВ, в то время как глаголы, не выражающие его, появляются в НСВ. Результативная акциональная характеристика предиката чаще всего выражается окружающим его контекстом, т. е. различными языковыми средствами, способствующими появлению «определенного» («индивидуализированного») событийного характера действия и, следовательно, выбору СВ. Это, например, (исчисляемый) прямой объект в единственном числе, прямой объект во множественном числе с референтным значением, инклюзивное обстоятельство времени, синтаксические конструкции, создающие цепь действий и т.д. Важную роль, как мы видели, играют также таксисные отношения, появляющиеся в сложноподчиненных предложениях, как придаточных, так и главных (см. кратно-парные конструкции): здесь сама ситуация зависимости одного действия от другого (также повторяющегося) непременно порождает более определенный, индивидуализированный контекст. При отсутствии этих факторов, или их меньшей очевидности, выбирается НСВ.

Перейдем к рассмотрению второй части анкеты.

3. Результаты анкеты. Прошедшее время

Как было сказано в начале работы, вариативность СВ и НСВ для выражения итеративности, которая сближает сербский и хорватский языки с группой западнославянских языков, одновременно отличая их от восточнославянской группы, возникает прежде всего в настоящем времени. При этом в прошедшем времени данное явление встречается гораздо реже.

Вторая часть анкеты была нацелена на определение частотности употребления СВ в прошедшем времени по сравнению с настоящим. Как и ожидалось, в большинстве случаев в заданных примерах респонденты ставили самые низкие баллы формам СВ, а самые высокие – НСВ, несмотря на то, что (если исключить смену временной перспективы) примеры полностью соответствуют примерам из предыдущего параграфа, т. е. здесь предикаты также терминативны и обозначают действие, которое повторялось, каждый раз достигая своего внутреннего предела.

Бóльшая вариативность встречается почему-то в первых трех примерах, касающихся глагола pisati/napisati:

(10) Pisao sam poeziju impulsivno, nisam pisao mjesecima, pa onda sam u tri dana **pisao**/**napisao** pola zbirke.

‘Стихи писал я импульсивно, не писал их месяцами, потом садился и в три дня *писал* половину сборника.’

(11) Na popis želja, koji su sastavljala djeca, roditelji su **pisali**/**napisali** zahtjev koji su mališani morali ispuniti.

‘В составленном детьми списке желаний родители *писали* просьбу, которую дети должны были выполнить.’

(12) Kardinali su glasovali dva puta dnevno. Svaki je kardinal **pisao**/**napisao** svoj izbor na komadiću papira, koji je bio onda presavijen i stavljen u posudu od srebra i pozlaćene bronce.

‘Кардиналы голосовали два раза в день, утром и днем. Каждый кардинал *писал* свой выбор на листе бумаги, который затем складывался и помещался в контейнер из серебра и позолоченной бронзы.’

В этих примерах большинство респондентов дало высокую оценку СВ, что в принципе не соответствует отмеченной выше общей тенденции.[3] Так, что касается примера (10), предпочтение СВ они объяснили присутствием в контексте «результативного» наречия времени *u tri dana* (ср. график 10a). Относительно двух других примеров информанты затруднялись объяснить предпочтительный выбор СВ, однако одобряли его.

По нашему мнению, в (11) в пользу СВ мог выступать подчеркнуто «определенный», четко контекстуализированный контекст, который, как было сказано в начале статьи, является главным благоприятным условием для употребления СВ (ср. график 11a).[4] То же самое можно сказать о примере (12) (ср. график 12a). Более того, здесь предпочтительное употребление СВ могло быть вызва-

[3] Возможно, в этих примерах, особенно в (10) и (11), высокая оценка, данная СВ, объясняется тем, что здесь итеративный контекст недостаточно четко выражен, что и могло привести к «естественной» интерпретации СВ как формы, выражающей конкретно-фактическое значение, которое является главным значением СВ в прошедшем времени. То же самое можно сказать о примерах (15) и (17), прокомментированных ниже. Однако информанты, с которыми мы впоследствии обсуждали результаты анкеты, подтвердили ответы респондентов, при этом утверждая, что контекст явно выражает не однократное, а многократное действие.

[4] См. по этому поводу Dickey 2000: 80–85. Весьма интересно, в частности, замечание американского лингвиста о том, что ограничение на употребление СВ, столь важное для сербского и хорватского, не характерно для словенского и вообще для других славянских языков «западной» группы. Здесь СВ для выражения итеративности может появляться также вне четко контекстуализированных контекстов (Dickey 2000: 84–85). См. по этому поводу также интересные наблюдения М. Ивич о нерегулярности (эпизодичности) действия как о факторе, способствующем употреблению СВ (Ivić 1983: 42).

но также синтаксической структурой сложного предложения, составленного из цепи действий, следующих за действием главного предложения.

Более ожидаемыми являются оценки последующих примеров (13)–(18), которые приводятся ниже. Здесь ответы респондентов распределены так равномерно, что мы посчитали лишним комментировать их по отдельности. Достаточно сказать, что во всех приведенных ниже примерах подавляющее большинство респондентов поставило высший балл («5») форме НСВ. Правда, в некоторых случаях СВ тоже получил большое количество высших баллов. Это случай примера (15), где 18 из 48 респондентов поставили «5» форме СВ (ср. график 15а), и примера (17), где ту же оценку дали 22 из 48 респондентов (ср. график 17а). Однако, повторим, НСВ несомненно преобладает.[5]

(13) Tada sam svakodnevno **pio**/**popio** čašicu viskija, osobno sam ga najviše volio piti prije večere.

‘Тогда я *выпивал* стакан виски каждый день, лично я больше всего любил пить его перед ужином.’

(14) Ljeti su oni **pili**/**popili** bar 3 litra mineralne vode dnevno.

‘Летом они *выпивали* не менее 3 литров минеральной воды в день.’

(15) Kada je dolazio u Split, Miloš je prvo **pio**/**popio** čašu domaćeg vina, da malo pročisti krv.

‘Когда приезжал в Сплит, Милош сначала *выпивал* стакан местного вина, чтобы немного очистить свою кровь.’

(16) Svako jutro sam odvajao dio svoga vremena i **čitao**/**pročitao** sve poruke koje građani pišu na Internetu.

‘Каждое утро я отводил часть своего времени и *читал* все сообщения, которые граждане пишут в Интернете.’

(17) A posebno sam bio sportski fanatik. Sve što se je pisalo o sportu **čitao/pročitao** sam od A do Ž.

‘Но прежде всего я был фанатом спорта. Все, что пишут о спорте, я *читал* от А до Я.’

(18) Moj je muž bio navikao ujutro u šest sati, prije posla, prelistati novine uz kavu, kako bi se informirao o novostima. Popodne ih je pak **čitao/pročitao** detaljno.

‘Мой муж имел привычку читать газету в шесть часов утра, перед работой, с кофе, чтобы получить информацию о новостях. Однако днем он *читал* их подробно’

[5] Для более подробной информации мы отсылаем к соответствующим графикам в приложении.

Итак, результаты анкеты, с одной стороны, подтверждают общепринятое мнение о том, что СВ в итеративных контекстах в прошедшем времени встречается редко, гораздо реже, чем в настоящем времени. Однако его употребление иногда не просто допускается, но и прямо предпочитается, причем в тех же контекстных условиях, которые отмечались для настоящего времени. По всей вероятности, предпочтение НСВ здесь связано с конкуренцией столь «весомого», основного значения СВ в прошедшем времени, как «конкретно-фактическое» (такая «конкуренция», как известно, в настоящем времени возникает гораздо реже, а именно только в атемпоральных контекстах). Эту гипотезу поддерживает наблюдение о том, что СВ легко появляется как в сербском, так и в хорватском языках в конструкциях, выражающих итеративность в (далеком) прошлом, которые принято называть «habitualni potencijal» или «potencijal za prošlost». Здесь конкуренции с конкретно-фактическим значением уже нет, и форму СВ можно употреблять свободно, точнее, с той же частотностью и дистрибуцией (т.е. на основании тех же критериев), которые были отмечены по поводу настоящего времени (см. по этому поводу Ivić 1983; Танасић 1996; Kalsbeek, Lučić 2008; Недић 2018 и др.). Однако эта тема не будет обсуждаться здесь, а станет объектом отдельной работы.

4. Заключение

На основании всего вышесказанного можно подвести следующие итоги. Прежде всего, употребление СВ в итеративных контекстах для обозначения событий в настоящем времени допускается, а иногда прямо предпочитается, как в сербском, так и в хорватском языках, не только в придаточных предложениях и в главных предложениях в кратно-парных конструкциях, но и в простых предложениях.

Вариативность СВ и НСВ далеко не произвольна. За некоторыми исключениями, обнаруживается закономерность, связанная с акциональным характером предиката. С одной стороны, СВ появляется только в случае результативного акционального характера предиката; то же самое ограничение имеет место и в прошедшем времени, хотя здесь СВ употребляется намного реже, возможно, из-за сильной конкуренции конкретно-фактического значения.

С другой стороны, возможное появление НСВ в тех же самых контекстах отражает решение говорящего выразить или подчеркнуть длительный характер повторяющегося действия; иными словами, это субъективный, но обоснованный выбор.

В рамках нашего анализа никакого существенного различия между сербским и хорватским по обсуждаемой проблематике обнаружено не было.

Данный анализ находится на начальном этапе. Безусловно, его следовало бы расширить и углубить, принимая во внимание большее количество материала. Полезным было бы также сравнить полученные здесь результаты о сербском и хорватском языках со словенским языком, где ситуация очень похожа (см. Бенаккьо, Пила 2015, Дерганц 2015). Это помогло бы получить более точное представление о степени близости этих языков, а также о том, каково место сербского и хорватского в континууме, представляющем распространение глагольного вида в славянских языках.

Использованная литература

Барентсен, Адриан. «Выражение последовательности действий при повторяемости в прошлом в современных славянских языках». [В:] Peter Houtzagers и др. (eds.) Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists: Linguistics [Studies in Slavic and general Linguistics 34]. Amsterdam – New York: Rodopi, 2008, 1–36.

[Barentsen, Adrian. «Vyrazhenie posledovatel′nosti deĭstviĭ pri povtori͡aemosti v proshlom v sovremennyx slavi͡anskix i͡azykax». [V:] Peter Houtzagers et al. (eds.) Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists: Linguistics [Studies in Slavic and general Linguistics 34]. Amsterdam – New York: Rodopi, 2008, 1–36]

Бенаккьо, Розанна, Марко Биазио. «К вопросу об употреблении презентных форм совершенного и несовершенного вида в хорватском языке». [В:] Елена В. Горбова (ред.) Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Санкт-Петербург: Изд. РГПУ им. Герцена, 2020, 41–51.

[Benakk′o, Rozanna, Marko Biazio. «K voprosu ob upotreblenii prezentnyh form soveršennogo i nesoveršennogo vida v horvatskom âzyke». [V:] Elena V. Gorbova (red.) Vzaimodejstvie aspekta so smežnymi kategoriâmi. Sankt-Peterburg: Izd. RGPU im. Gercena, 2020, 41–51]

Бенаккьо, Розанна, Малинка Пила. «Глагольный вид в контекстах неограниченной кратности в словенском языке в сопоставлении с русским». [В:] Розанна Бенаккьо (ред.) Глагольный вид: грамматическое значение и контекст/Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context [Die Welt der Slawen: Sammelbände / Сборники, Bd. 56]. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015, 79–91.

[Benakk′o, Rozanna, Malinka Pila. «Glagol′nyj vid v kontekstah neograničennoj kratnosti v slovenskom âzyke v sopostavlenii s russkim». [V:] Rozanna Benakk′o (red.) Glagol′nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst / Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context [Die Welt der Slawen: Sammelbände / Sborniki, Bd. 56]. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015, 79–91]

Бондарко, Александр В. «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном литературном сербохорватском языке». Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова 250 (Сер. филол. наук. 44), 1958: 141–157.

[Bondarko, Aleksandr V. «Nastoâŝee istoričeskoe glagolov nesoveršennogo i soveršennogo vidov v sovremennom literaturnom serbohorvatskom âzyke». Učenye zapiski LGU im. A. A. Ždanova 250 (Ser. filol. nauk. 44), 1958: 141–157]

Войводич, Дойчил. «Русский и сербско-хорватский перфективный презенс в сопоставительном аспекте». Зборник Матице српске за славистику 54–55, 1998: 119–147.

[Vojvodič, Dojčil. «Russkij i serbsko-horvatskij perfektivnyj prezens v sopostavitel′nom aspekte». Zbornik Matice srpske za slavistiku 54–55, 1998: 119–147]

Војводић, Дојчил. „О видско-временској синонимији и метафори у српском, руском и другим словенским језицима”. Славистика 23/1, 2019: 11–44.

[Vojvodić, Dojčil. „O vidsko-vremenskoj sinonimiji i metafori u srpskom, ruskom i drugim slovenskim jezicima”. Slavistika, 23/1, 2019: 11–44]

Дерганц, Александра. «К употреблению глагольного вида в многократном/узуальном значении в словенском языке». [В:] Розанна Бенаккьо (ред.) Глагольный вид: грамматическое значение и контекст/Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context [Die Welt der Slawen: Sammelbände / Сборники, Bd. 56]. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015, 171–178.

[Derganc, Aleksandra. «K upotrebleniû glagol’nogo vida v mnogokratnom/uzual’nom značenii v

slovenskom âzyke». [V:] Rozanna Benakk′o (red.) Glagol′nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst/Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context [Die Welt der Slawen: Sammelbände / Sborniki, Bd. 56]. München – Berlin – Washington/D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015: 171–178]

Недић, Јелена. „Глаголски облици у итеративним конструкцијама у руском и српском језику". Славистика 22/2, 2018: 110–122.

[Nedić, Jelena. „Glagolski oblici u iterativnim konstrukcijama u ruskom i srpskom jeziku". Slavistika 22/2, 2018: 110–122]

Падучева, Елена В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

[Padučeva, Elena V. Semantičeskie issledovaniâ: (Semantika vremeni i vida v russkom âzyke. Semantika narrativa). Moskva: Škola «Âzyki russkoj kul'tury», 1996]

Петрухина Елена В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Москва: Изд. МГУ, 2000.

[Petruhina Elena V. Aspektual′nye kategorii glagola v russkom âzyke v sopostavlenii s češskim, slovackim, pol′skim i bolgarskim âzykami. Moskva: Izd. MGU, 2000]

Танасић, Срето. Презент у савременом српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1996.

[Tanasić, Sreto. Prezent u savremenom srpskom jeziku. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 1996]

Танасић, Срето. „Семантика глагола и итеративност". Јужнословенски филолог 55, 1999: 37–45.

[Tanasić, Sreto. „Semantika glagola i iterativnost". Južnoslovenski filolog 55, 1999: 37–45]

Thomas, Paul-Louis, Сава Анђелковић. „О категорији глаголског вида у српском језику". Научни састанак слависта у Вукове дане 28/2, 1999: 141–147.

[Thomas, Paul-Louis, Sava Anđelković. „O kategoriji glagolskog vida u srpskom jeziku". Naučni sastanak slavista u Vukove Dane 28/2, 1999: 141–147]

Běličová-Křižková, Helena. "Ke vztahu kategorie vidu a času v spisovných slovanských jazycích". Slavia 50/2, 1981: 121–134.

Dickey, Stephen M. Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach. Stanford: CSLI Publications, 2000.

Fedotov, M. "Iterativity, narrative, and aspect". [B:] M. Китадзё (сост.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития: сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Киото, 13–15 ноября 2015 г.). Киото: Издательство «Tanaka Print» (Университет Киото Сангё), 2015, 314–320.

[Fedotov, M. "Iterativity, narrative, and aspect". [V:] M. Kitajo (sost.) Aspektual'naâ semantičeskaâ zona: tipologiâ sistem i scenarii diahroničeskogo razvitiâ: sbornik statej V Meždunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Meždunarodnogo komiteta slavistov (Kioto, 13–15 noâbrâ 2015 g.). Kioto: Izdatel'stvo «Tanaka Print» (Universitet Kioto Sangjo), 2015, 314–320]

Ивић, Милка. „Начини на које словенски глагол овременује понављану радњу". [In:] Milka Ivić. Lingvistički ogledi. Beograd: Prosveta, 1983: 37–56.

Kalsbeek, Janneke, Radovan Lučić. „Oblik kondicionala u funkciji označavanja ponavljane radnje u prošlosti". Croatica et Slavica Iadertina IV, 2008: 7–21.

Langacker, Ronald W. "Generics and Habituals". René Dirven, Angeliki Athanasiadou (eds.) On Conditionals Again. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins. 1997, 191–222.

Lehmann, Volkmar. "On the relation between nonepisodic/nonlocalized, iterative, and omnitemporal situations". [In:] M. Nilsson, N. Zorikhina Nilsson (eds.) The semantic scope of Slavic

aspect: Fourth Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists (University of Gothenburg, June 10–14, 2013). Göteborg: Göteborgs universitet, 2013, 96–98.

Stunová, Anna. A Contrastive Analysis of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse. Doctoral Dissertation. Amsterdam, 1993.

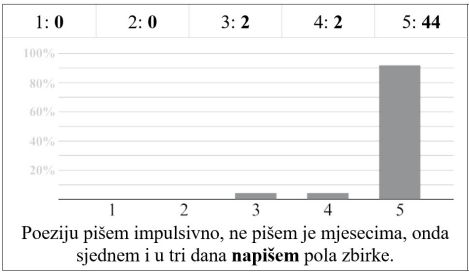
Šarić, Ljiljana. "Temporal Adverbial Quantifiers in Aspect Choice in Croatian". Journal of Slavic Linguistics 9/1, 2001: 155–170.

Hrvatski nacionalni korpus (HNK) <http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form>

Korpus savremenog srpskog jezika (SrpKor) <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/login.php>

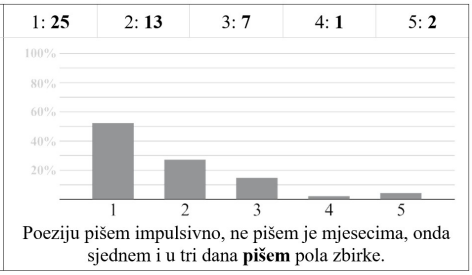
ПРИЛОЖЕНИЕ

Графики*



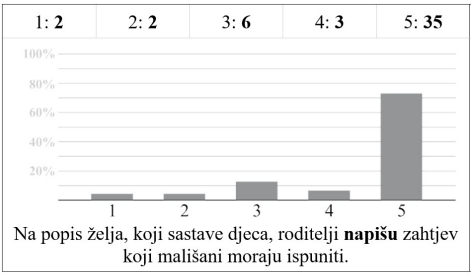
Poeziju pišem impulsivno, ne pišem je mjesecima, onda sjednem i u tri dana **napišem** pola zbirke.

График 1а



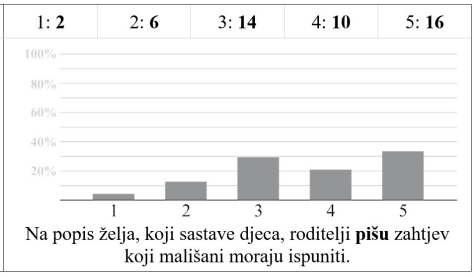
Poeziju pišem impulsivno, ne pišem je mjesecima, onda sjednem i u tri dana **pišem** pola zbirke.

График 1б



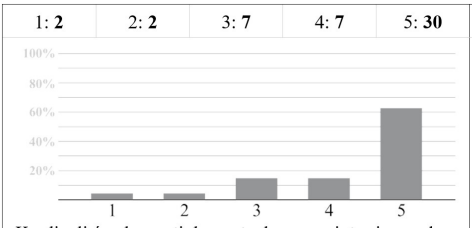
Na popis želja, koji sastave djeca, roditelji **napišu** zahtjev koji mališani moraju ispuniti.

График 2а



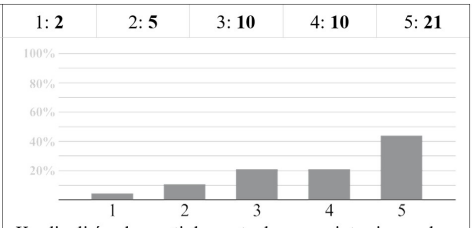
Na popis želja, koji sastave djeca, roditelji **pišu** zahtjev koji mališani moraju ispuniti.

График 2б



Kardinali će glasovati dva puta dnevno, ujutro i popodne. Svaki kardinal **napiše** svoj izbor na komadiću papira, koji se onda presavije i stavlja u posudu od srebra i pozlaćene bronce.

График 3а



Kardinali će glasovati dva puta dnevno, ujutro i popodne. Svaki kardinal **piše** svoj izbor na komadiću papira, koji se onda presavije i stavlja u posudu od srebra i pozlaćene bronce.

График 3б

* Число респондентов (всего 48), поставивших баллы, указано жирным шрифтом над каждым графиком, справа от соответствующей оценки.

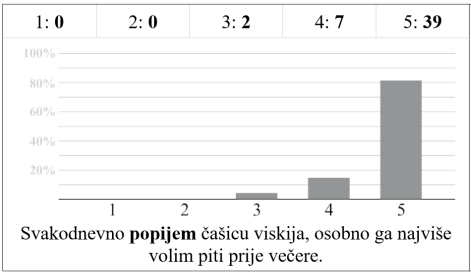


График 4а

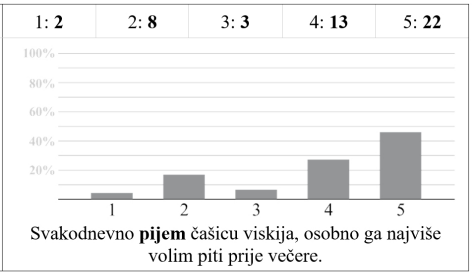


График 4б

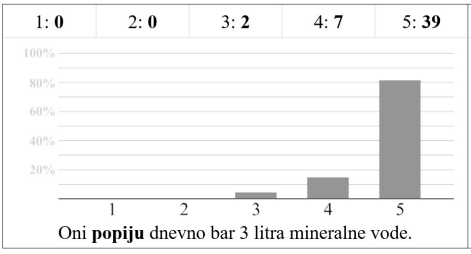


График 5а

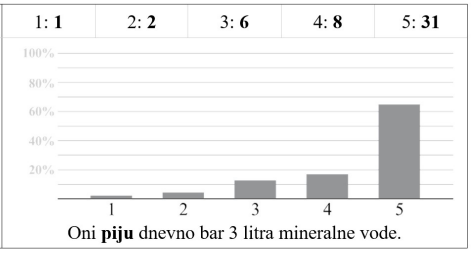


График 5б

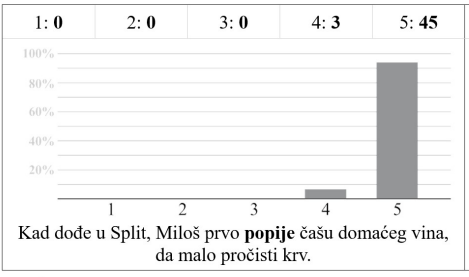


График 6а

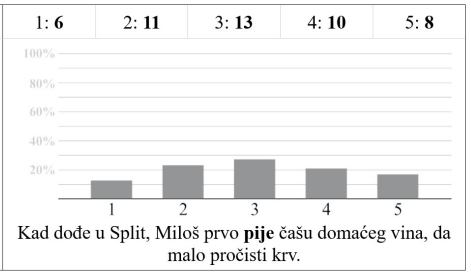


График 6б

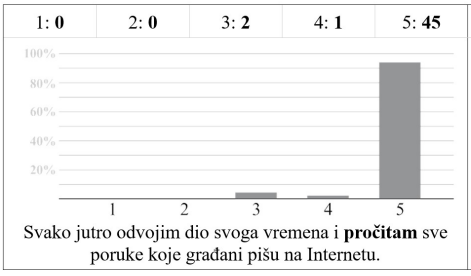


График 7а

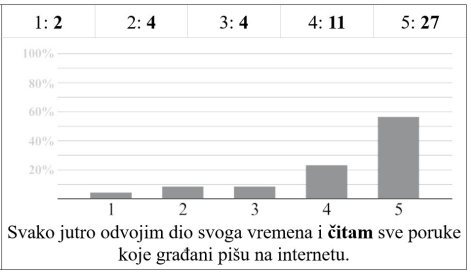
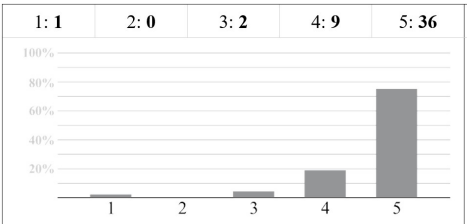
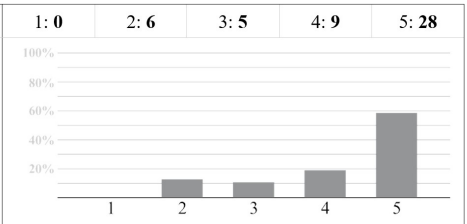


График 7б



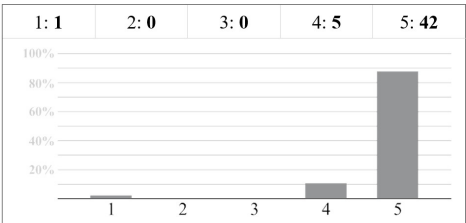
A posebno sam sportski fanatik. Sve što se piše o sportu **pročitam** od A do Ž.

График 8а



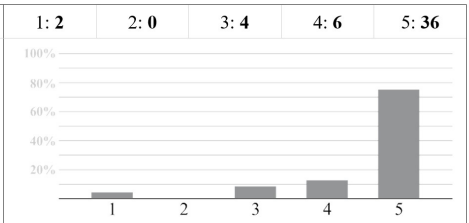
A posebno sam sportski fanatik. Sve što se piše o sportu **čitam** od A do Ž.

График 8б



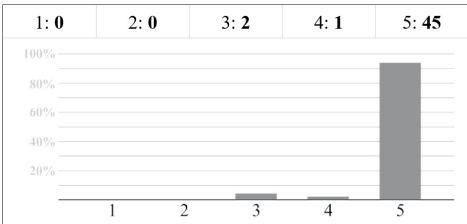
Moj je muž navikao ujutro u šest sati, prije posla, prelistati novine uz kavu, kako bi se informirao o novostima. Popodne ih, pak, **pročita** detaljno.

График 9а



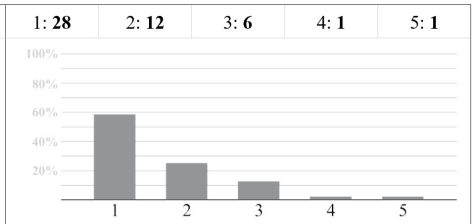
Moj je muž navikao ujutro u šest sati, prije posla, prelistati novine uz kavu, kako bi se informirao o novostima. Popodne ih, pak, **čita** detaljno.

График 9б



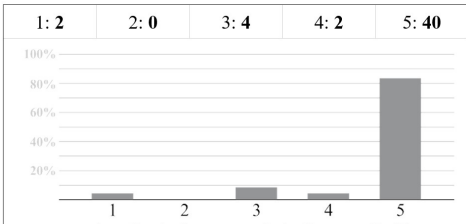
Pisao sam poeziju impulsivno, nisam pisao mjesecima, pa onda sam u tri dana **napisao** pola zbirke.

График 10а



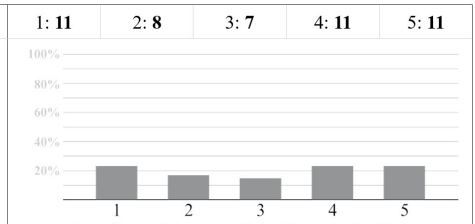
Pisao sam poeziju impulsivno, nisam pisao mjesecima, pa onda sam u tri dana **pisao** pola zbirke.

График 10б



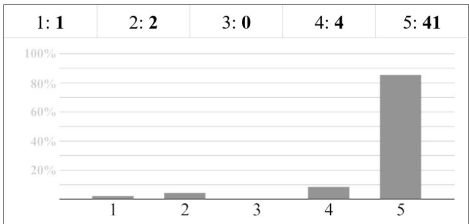
Na popis želja, koji su sastavljala djeca, roditelji su **napisali** zahtjev koji su mališani morali ispuniti.

График 11а

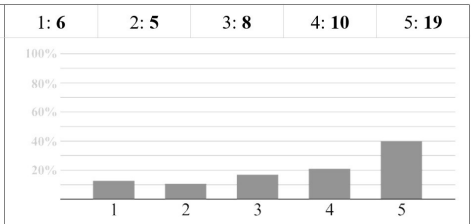


Na popis želja, koji su sastavljala djeca, roditelji su **pisali** zahtjev koji su mališani morali ispuniti.

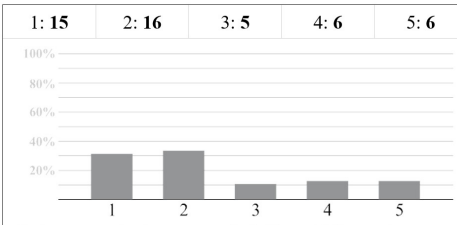
График 11б



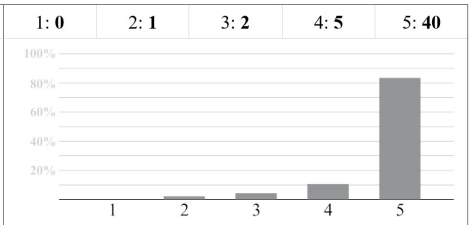
Kardinali su glasovali dva puta dnevno. Svaki je kardinal **napisao** svoj izbor na komadiću papira, koji je bio onda presavijen i stavljen u posudu od srebra i pozlaćene bronce.



Kardinali su glasovali dva puta dnevno. Svaki je kardinal **pisao** svoj izbor na komadiću papira, koji je bio onda presavijen i stavljen u posudu od srebra i pozlaćene bronce.



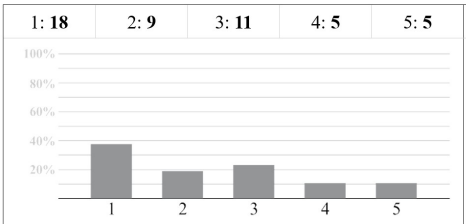
Tada sam svakodnevno **popio** čašicu viskija, osobno sam ga najviše volio piti prije večere.



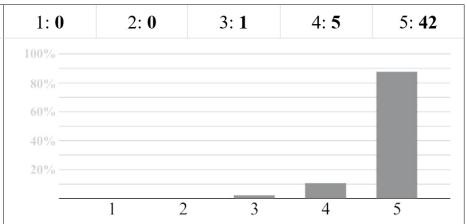
Tada sam svakodnevno **pio** čašicu viskija, osobno sam ga najviše volio piti prije večere.

График 13а

График 13б



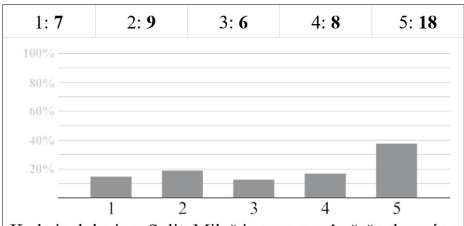
Ljeti su oni **popili** bar 3 litra mineralne vode dnevno.



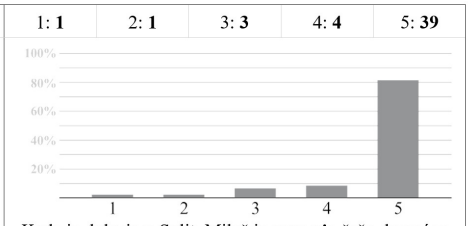
Ljeti su oni **pili** bar 3 litra mineralne vode dnevno.

График 14а

График 14б



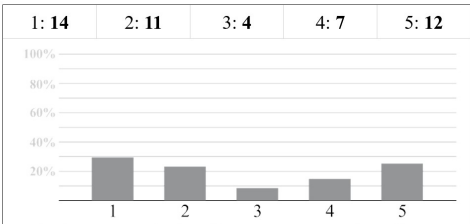
Kada je dolazio u Split, Miloš je prvo **popio** čašu domaćeg vina, da malo pročisti krv.



Kada je dolazio u Split, Miloš je prvo **pio** čašu domaćeg vina, da malo pročisti krv.

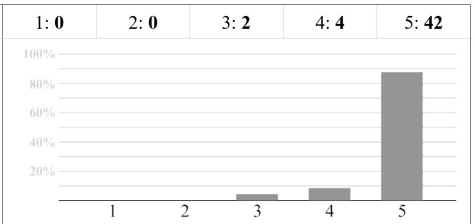
График 15а

График 15б



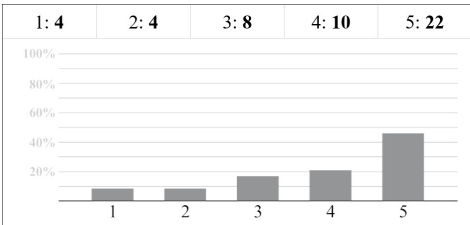
Svako jutro sam odvajao dio svoga vremena i **pročitao** sve poruke koje građani pišu na Internetu

График 16а



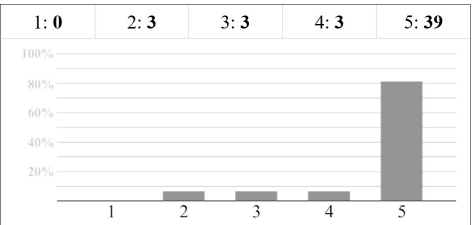
Svako jutro sam odvajao dio svoga vremena i **čitao** sve poruke koje građani pišu na Internetu

График 16б



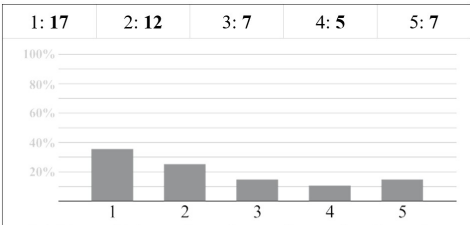
A posebno sam bio sportski fanatik. Sve što se je pisalo o sportu **pročitao** sam od A do Ž.

График 17а



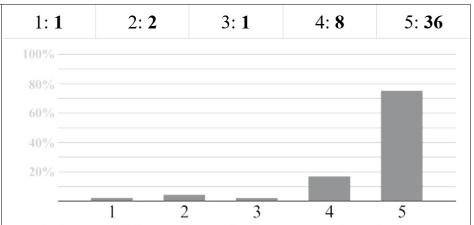
A posebno sam bio sportski fanatik. Sve što se je pisalo o sportu **čitao** sam od A do Ž.

График 17б



Moj je muž bio navikao ujutro u šest sati, prije posla, prelistati novine uz kavu, kako bi se informirao o novostima. Popodne ih je **pročitao** detaljno.

График 18а



Moj je muž bio navikao ujutro u šest sati, prije posla, prelistati novine uz kavu, kako bi se informirao o novostima. Popodne ih je **čitao** detaljno.

График 18б

Розана Бенакјо

О УПОТРЕБИ СВРШЕНОГ ВИДА У ИТЕРАТИВНИМ КОНТЕКСТИМА У СРПСКОМ И ХРВАТСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме

У раду се разматра употреба глаголског вида у итеративним контекстима у садашњем и прошлом времену у српском и хрватском језику. Познато је да је у тим језицима, слично ономе што се дешава у „западној" групи словенских језика (у словеначком, чешком, словачком и лужичкосрпском) употреба свршеног вида шира него у језицима „источне" групе (руски, украјински, белоруски и бугарски). То се посебно примећује при изражавању итеративности, у првом реду у садашњем времену где је тешко одредити смисао и функцију варијативности свршеног и несвршеног вида.

Истраживачи који су се бавили овом темом издвојили су следеће чињенице: 1) свршени вид се појављује чешће у садашњем него у прошлом времену; 2) свршени вид употребљава се много чешће у зависним реченицама, где се појављује готово по аутоматизму, него у главним; 3) у главним реченицама свршени вид појављује се само у итеративно-парним конструкцијама; 4) употреба свршеног вида у простим реченицама веома је ретка појава која се везује пре свега за „одређени" („индивидуализовани") догађајни карактер радње. Истраживачи су такође сагласни да се у хрватском језику, посебно на кајкавским територијама које се налазе под утицајем словеначког језика, таква употреба свршеног вида среће чешће у говорном него у књижевном језику.

У овом раду вратили смо се том проблему у тежњи да квантитативно одредимо ту варијативност како у садашњем, тако и у прошлом времену. За то је коришћена анкета која је спроведена помоћу платформе *Google forms* и упућена носиоцима хрватског и српског језика. Добијене одговоре смо затим размотрили с другим информантима, такође носиоцима хрватског и српског језика.

На тај начин смо видели да се допушта употреба свршеног вида за означавање радњи (догађаја) које се понављају, а некада јој се даје и предност како у српском, тако и у хрватском језику, и то не само у зависним и главним реченицима у итеративно-парним конструкцијама, већ и у простим реченицама. Таква употреба тесно је повезана с резултативном акционалном карактеристиком предиката и најчешће се изражава помоћу различитих језичких елемената из ширег контекста. То су, на пример: (бројиви) прави објекат у једнини, инклузивна одредба за време, синтаксичке конструкције које стварају низ радњи итд. Као важни испоставили су се и односи таксиса у зависносложеним реченицама, како у зависном, тако и у главном делу (видети посебно итеративно-парне конструкције). У прошлом времену свршени вид употребљава се у много мањој мери, али у принципу у истим контекстним условима.

Такође смо приметили да је могућа појава несвршеног вида паралелно са свршеним у истим контекстима повезана са изражавањем (или истицањем) дугачког карактера радње која се понавља. У већини случајева то није случајна и насумична појава, већ је једноставно резултат субјективног, свесног и у потпуности „законитог" (с тачке гледишта граматичких принципа који управљају словенским видом) избора између две могуће интерпретације онога што се саопштава.

Кључне речи: славенски глаголски вид, итеративност, савршени вид, српски језик, хрватски језик.